

ОБЗОР “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”, “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, «ВЕКТОР НАУКИ ТГУ. СЕРИЯ “ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ”» НА ТЕМУ “ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ”

9 апреля 2014 г. в Тольяттинском государственном университете состоялся “круглый стол” журналов “Государство и право”, “Правовая политика и правовая жизнь”, «Вектор науки ТГУ. Серия “Юридические науки”» на тему “Проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности”. Ведущий “круглого стола”, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь”, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько, в своем выступлении отметил, что в современный период доктринальные документы призваны занимать особое место в жизни общества. Это связано прежде всего с тем, что научные наработки будут выглядеть гораздо убедительнее и станут заметнее влиять на власть, на соответствующие правотворческие и правоприменительные структуры, если их давать, в частности, на уровне концепций, где научные взгляды оформляются в более основательном, аргументированном, системном виде.

Среди подобных документов на передний план все больше выходит проект концепции российской правовой политики в сфере юридической ответственности. Это связано в первую очередь с тем, что юридическая ответственность – одно из главных обеспечительных средств, существующих на практике. В условиях формирования правового государства и гражданского общества роль юридической ответственности резко возрастает, ибо именно данный институт выступает важнейшим инструментом, во-первых, противодействующим правонарушениям; во-вторых, гарантирующим реализацию прав и свобод граждан и иных субъектов; в-третьих, ограничивающим произвол чиновников. И если в отношении граждан он используется уже весьма давно, то в отношении власти еще не системно и далеко не в полной мере, что и нужно отразить в проекте концепции.

К тому же юридическая ответственность – это и одна из центральных юридических категорий, с которой тесно связаны иные юридические категории: обязанности и запреты, поощрения и наказания, меры защиты и меры приостановления и т.д. Другими словами, институт юридической ответственности имеет огромное как практическое, так и научное значение.

Разумеется, предлагаемый проект концепции, с одной стороны, должен базироваться на родовом проекте концепции – проекте концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г.¹ С другой стороны, структура рассматриваемого доктринального документа должна быть несколько иной. В нее могут войти следующие элементы:

введение, в котором необходимо дать характеристику современному состоянию правонарушений и системы юридической ответственности;

общие начала российской правовой политики в сфере юридической ответственности, где изложить перечень понятий, используемых в данном проекте;

содержание российской правовой политики в сфере юридической ответственности, где обозначить цели, приоритеты и средства данной политики;

основные направления российской правовой политики в сфере юридической ответственности, где показать правотворческие и правоприменительные составляющие названной политики;

тенденции развития института юридической ответственности в условиях глобализации и т.д.

В силу того что предлагаемый проект концепции – междисциплинарный документ, разработчиками его могут выступать как ученые-юристы, так и философы, политологи, социологи, педагоги, психологи. Только совместными усилиями можно решить данную научную проблему.

Заместитель ректора, директор Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук, проф., член редакционной коллегии журнала «Вектор науки ТГУ. Серия “Юридические науки”» Д.А. Липинский подчеркнул важность создания данной концепции именно усилиями ученых Института права Тольяттинского государственного университета и Саратовского филиала Института государства и права РАН. Такой “тандем” не случаен. Саратовский филиал Института государства и права РАН является ведущим научным учреждением в области правовой политики, а в Институте права ТГУ сложилась научная школа юридической ответственности, учеными которой защищены по данной проблеме кандидатские² и докторские диссертации³, выполнены

¹ См.: Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.

² См.: Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004; Репетева О.Е. Юридическая ответственность за правонарушения – межотраслевой институт права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010; Романова В.В. Юридическая ответственность государства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007; Чуклова Е.В. Понятие, виды и основания процессуальной ответственности. Краснодар, 2009; Ожегова Г.А. Объект правонарушения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006; и др.

³ См.: Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Саратов, 2004; Гогин А.А. Общая концепция правонарушения (Проблемы теории, методологии и практики). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Казань, 2011.

фундаментальные монографические работы⁴, опубликованные статьи в центральных юридических журналах.

Необходимость создания концепции обусловлена тем, что правовая политика в сфере юридической ответственности в настоящее время в должной степени не носит научно обоснованного и системного характера. Налицо дублирование и противоречия различных норм, устанавливающих юридическую ответственность. Многие деяния общественно опасного характера не закреплены как правонарушения, законодательство изобилует декларациями юридической ответственности, а система исключений (в том числе и иммунитетов) носит недемократичный характер. Некоторые принципы юридической ответственности нарушаются как законодателем, так и правоприменителем. Зачастую юридическая ответственность законодателем понимается “однобоко” – как кара правонарушителя. При этом упускаются из внимания широкий потенциал позитивной юридической ответственности и стимулирование правовой активности граждан при помощи ее мер. Это вполне согласуется с концепцией построения правового государства и формирования гражданского общества, в котором ведущая роль должна принадлежать именно позитивной юридической ответственности.

По нашему мнению, в структуру доктринального документа, помимо указанных А.В. Малько, должны входить разделы, посвященные направлениям правовой политики в различных видах юридической ответственности: конституционной, гражданско-правовой, административной, дисциплинарной, финансово-правовой, уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной и т.д. Возможно формирование разделов и по наиболее важным сферам общественных отношений, в которых функционирует юридическая ответственность: национальной безопасности, образовательной, экономической и др. Особое внимание необходимо уделить разделу о общих положениях, где обязательно должны быть раскрыты цели, задачи и принципы правовой политики в сфере юридической ответственности. При этом к вполне традиционным принципам, таким как неотвратимость, индивидуализация, виновность деяния, законность, справедливость и гуманизм, необходимо добавить принципы демократизма и научной обоснованности.

Заместитель директора Института права Тольяттинского государственного университета по НИР, ответственный редактор журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки»», доктор юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатуров акцентировал внимание на понятиях социальной ответственности и безответственности как парных категориях, которые должны найти отражение в концепции правовой политики. Последняя в сфере юридической ответственности должна исходить из того, что юридическая ответственность есть вид социальной ответственности и что она, концепция, должна создаваться с учетом взаимосвязи юридической ответственности с различными видами социальной ответственности.

Грань между ответственным и безответственным поведением проходит не только по линии, противоположной нравственной и юридической оценкам, но и по линии, противоположной социальной значимости поведения. Социальная

ответственность есть такое специфическое свойство общественных отношений, которое проявляется в деятельности человека и выражается в осознании или в возможности осознания им социально значимых последствий совершения того или иного поступка. Социальная ответственность не имела бы смысла, если бы личность не обладала способностью управлять собой и иметь конкретную позицию в изменяющихся жизненных обстоятельствах.

Позитивная ответственность проявляется как долг, обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями социальных норм. Негативная ответственность представляет собой обязанность субъекта претерпевать лишения за нарушение предписаний социальных норм. В механизме нормативного регулирования общественных отношений негативная и позитивная формы ответственности способствуют достижению единой цели – регулированию и поддержанию общественного порядка. Позитивная ответственность имеет созидательный характер и играет главенствующую роль.

Негативная ответственность – временное явление, поскольку возникает в связи с нарушениями требований социальных норм. Между позитивной и негативной ответственностями имеются неразрывные связи, хотя ответственность в позитивном смысле имеет активный аспект – строгое осуществление социальных обязанностей, а поэтому в своем юридическом значении относится к правосознанию, правопорядку, законности; ее роднит с негативной ответственностью то, что оба указанных явления тесно связаны с нравственно-психической характеристикой поведения людей. “Граница” позитивной и негативной социальной ответственности нарушается конкретным поведением субъекта общественных отношений. “Межа” позитивной и ретроспективной правовой ответственности нарушается конкретным противоправным поведением субъекта права, которое вызывает конфликтную ситуацию, необходимость государственного вмешательства и применения принуждения для восстановления правопорядка и ликвидации конфликта.

Профессор кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук А.А. Гогин остановился на некоторых аспектах концепции формирования правовой политики в сфере публичной банковской деятельности, отметив, что среди институтов финансового права, фактически уже представляющего собой самостоятельную подотрасль, весьма существенное место занимает публичное банковское право. Это объясняется как объемом нормативного материала, сложностью и многогранностью регулируемых им отношений, так и количеством физических и юридических лиц, являющихся участниками денежно-кредитных отношений. В правительственной Стратегии развития банковского сектора РФ на период до 2015 г. подчеркивается необходимость реализации комплекса мероприятий, направленных на совершенствование правовой среды в данной общественно значимой сфере. Поэтому на повестку дня, естественно, встает вопрос о разработке и принятии Банковского кодекса РФ, ибо ныне существующая система отдельных законов уже не соответствует реалиям времени. В Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности внимание должно быть акцентировано на создании Банковского кодекса, в который должен входить раздел, посвященный юридической ответственности в сфере публичных банковских отношений. Кодекс должен иметь классическую форму. В его Общей части требуется изложить оправдавшие себя положения, сформулированные в законах, подзаконных актах, в решениях высших судебных инстанций нашей страны, и, конечно, взвешенные, конкретные предложения ученых и специали-

⁴ См.: *Литинский Д.А., Хачатуров Р.Л., Шишкин А.А.* Меры юридической ответственности. М., 2014; *Хачатуров Р.Л., Литинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007; *Литинский Д.А., Чукова Е.В.* Процессуальная ответственность. М., 2013; *Антология юридической ответственности.* В 5-ти т. / Под ред. Р.Л. Хачатурова. Самара, 2012; и др.

стов. В частности, в кодексе должно быть провозглашено, что основная цель деятельности кредитных организаций есть не только извлечение прибыли, но и решение социальных задач. Структуры, активно участвующие в подобных процессах, требуется надлежащим образом стимулировать, развивать их позитивную юридическую ответственность.

В последующих нормах Особенной части кодекса должна содержаться развернутая характеристика отношений, регулируемых банковским законодательством, четко прописаны полномочия и правовой статус Банка России, банковских и небанковских кредитных организаций, физических и юридических лиц, иных субъектов денежно-кредитных отношений. Наиболее существенное внимание следует уделить разделам, предусматривающим порядок и процедуры привлечения к юридической ответственности как кредитных организаций, так и их должников лиц. Здесь важно найти необходимый баланс, чтобы свести к минимуму напряжение и конфликтность между всеми заинтересованными сторонами.

Заведующая кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук А.А. Мусаткина заострила внимание на необходимости создания данной Концепции, которая обусловлена не только факторами, которые называли предыдущие выступления, но и тем, что санкции, предусматривающие меры юридической ответственности, не всегда соответствуют принципу индивидуализации юридической ответственности. Наиболее широко принцип индивидуализации воплощен в институтах уголовной и административной ответственности и значительно в меньшей степени представлен в институтах конституционной, финансово-правовой, гражданско-правовой и других видах юридической ответственности. Наличие базальтернативных и абсолютно определенных санкций грубо нарушает принцип индивидуализации юридической ответственности.

В основу Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должно быть положено ее понимание как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты. Исходя из данной посылки, в общих положениях Концепции необходимо раскрыть общее понятие санкции, понятие санкции-наказания и санкции-поощрения.

А.А. Мусаткина предложила следующие определения санкций. Во-первых, санкция как элемент правовой нормы – это структурная часть правовой нормы, закрепляющая вид и меру государственно-правового воздействия в отношении субъекта, нарушившего или выполнившего диспозицию правовой нормы. Во-вторых, санкция-поощрение – это структурный элемент правовой нормы, закрепляющий вид и меру позитивной ответственности субъекта, применяемый в случае соблюдения (выполнения) правила поведения, закрепленного в диспозиции. В-третьих, санкция-наказание (взыскание) – это структурный элемент правовой нормы, закрепляющий вид и меру негативного аспекта реализации ответственности, предусматривающий негативные последствия для правонарушителя в виде лишения материального, личного или организационного характера.

Особое внимание необходимо уделить индивидуализации мер позитивной юридической ответственности, которые должны зависеть от степени заслуг лица. Меры поощрения, закрепленные в действующих нормативных правовых актах, в большинстве случаев не носят индивидуализированного характера, а также четко не определены сами основания индивидуализации. Индивидуализирована, гуманна и спра-

ведлива должна быть не только негативная юридическая ответственность, но и позитивная.

Доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Г.А. Ожегова указала на необходимость нормативного закрепления понятия “злоупотребление правом” и его отражения в Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности как одного из оснований привлечения к юридической ответственности.

Так, неотъемлемым конституционным правом человека и гражданина является право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ. Однако реализация субъективного права на судебную защиту имеет и негативный аспект, который, как правило, остается вне поля зрения исследователей. Речь идет о недобросовестном использовании процессуальных прав, в том числе права на судебную защиту. Под злоупотреблением процессуальными правами необходимо понимать особую форму гражданского процессуального правонарушения, т.е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые только с целью видимости реализации таких прав. Одним из основных признаков злоупотребления правом выступает его использование не с той целью, с которой оно было закреплено в нормативном правовом акте, т.е. в действиях субъекта, злоупотребляющего правом, происходит искажение воли законодателя. Многие законодательные акты используют данный термин, но легитимность категории “злоупотребление правом” продолжает оставаться под вопросом.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук М.В. Шавалеев привлек внимание к проблеме эффективности принципа неотвратимости гражданско-правовой ответственности.

Принцип неотвратимости эффективен в той степени, в которой способен оказывать карательное и воспитательное воздействие на субъектов ответственности путем порицания со стороны общества и государства любого правонарушения и неотвратимого возложения на правонарушителей мер юридической ответственности. Высокая степень эффективности принципа неотвратимости юридической ответственности обеспечивает восстановление нарушенных общественных отношений, исправление правонарушителей и эффективную превенцию правонарушений. Однако в правоприменительной практике эффективность рассматриваемого принципа оказывается не столь высокой в связи с воздействием на правоотношения юридической ответственности факторов, снижающих заложенные в принципе неотвратимости карательный и воспитательный потенциалы.

Одним из подобных факторов выступает неоправданная задержка рассмотрения гражданских дел, что приводит к декларативности положений действующего законодательства о восстановлении нарушенного права путем судебной защиты. Одной из попыток решения проблемы судебной волокиты при рассмотрении споров стало принятие Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” от 30 апреля 2010 г. Вместе с тем, предусмотренный в ч. 3 ст. 6.1 АПК РФ порядок исчисления срока судопроизводства является не совсем удачным, поскольку предложенные законодателем критерии определения разумности не в полной мере учитывают факторы, влияющие на исполнение судебного акта, которые

возникают после оглашения резолютивной части решения и изготовления судебного акта в полном объеме. В настоящее время система арбитражных судов сформировала правовую позицию, согласно которой несвоевременная выдача исполнительного листа не может служить основанием для возникновения у лица права на компенсацию в порядке гл. 27 АПК РФ. Данный факт свидетельствует о наличии в российском праве устойчивых проблем функционирования механизма реализации юридической ответственности.

Сложившаяся ситуация вносит существенный дисбаланс в систему гарантий, установленных законом для лиц, заинтересованных в судебной защите права, значительно снижая эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. На основании изложенного представляется целесообразным изменить формулировку ч. 3 ст. 6.1 АПК РФ, установив окончание срока судопроизводства и, соответственно, право лиц на компенсацию за нарушение его разумности днем выдачи исполнительного листа по делу.

Доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук А.Н. Станкин остановился в своем выступлении на проблемах системного подхода в правовом регулировании юридической ответственности. Законотворческую работу Государственной Думы часто и небезосновательно характеризуют такими словами, как “шквал” (“бум” и т.п.) законотворчества. Число поправок, вносимых в один законодательный акт, может исчисляться несколькими сотнями или даже тысячами. Так, в действующий Уголовный кодекс РФ внесено более 3 тыс. изменений и дополнений, в Уголовно-процессуальный кодекс — более 700. Показательно, что всего за один день (28 декабря 2013 г.) были приняты сразу четыре закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ, 23 июля 2013 г. — шесть законов о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Сегодня кодексы стали в определенном смысле “чемпионами” по внесению в них поправок. Ранее кодекс как отраслеобразующий акт отличала стабильность текста. Ситуация, к сожалению, в корне изменилась. Как известно, в большинстве случаев меры юридической ответственности прописаны в кодифицированных актах. Полагаем, к законам, устанавливающим ответственность, должно быть повышенное внимание парламентариев, поскольку последствия от их применения могут быть весьма болезненными. Причем, внимание нужно в смысле не внесения большого числа поправок, а их более тщательной проработки, включая научную и иные экспертизы, юридическое прогнозирование и т.д. Главное, чего не хватает нашим законотворцам, — это системного подхода к правовой регламентации ряда сфер общественной жизни, в том числе и к институту юридической ответственности. Исправлению ситуации во многом способствовала бы единая правовая политика в сфере юридической ответственности.

И.о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук О.Е. Репетева посвятила свое выступление применению ст. 145 УК РФ. Основной проблемой правовой политики современного государства является отсутствие системного подхода в правовом упорядочении, что обуславливает недостаточную эффективность механизма правового регулирования, связанную с неспособностью законодателя учесть многообразие социальных связей, на которые оказывается регулятивное воздействие. Одним из примеров неэффективной правовой политики выступает возможность применения ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение

беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, предусмотренной ст. 145 УК РФ. В ст. 145 УК РФ указан мотив преступления, а именно: нежелание иметь на работе беременную женщину или женщину, имеющую маленьких детей, так как это связано с необходимостью предоставления таким женщинам дополнительного времени отдыха и других льгот, предусмотренных законодательством. Полагаем, что отказ в приеме на работу и увольнение с работы беременной женщины и женщины, имеющей малолетних детей, должны признаваться преступлениями не только при совершении по указанным мотивам, но и в иных случаях. Это связано с тем, что доказывание специального мотива может быть сопряжено с затруднениями. Ведь показания потерпевшей могут оказаться единственным источником доказательств противоправного мотива в действиях виновного.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что из ст. 145 УК необходимо исключить мотив преступления. Во-первых, это объективно сложно доказать, в отличие, например, от мотива ревности, мести, корыстного мотива и др. Во-вторых, отказ в приеме на работу беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей, по этим мотивам бывает действительно обоснованным (например, на подземных работах). Соответственно, беременные женщины и женщины, имеющие детей до трех лет, должны быть надежно защищены от любых умышленных неправомерных действий работодателя вне зависимости от конкретных мотивов деяния.

Следует признать, что ст. 145 УК РФ имеет декларативный характер, не дает реальных гарантий для работников и в принципе не применяется на практике, поскольку сконструирована таким образом, что привлечь работодателя к ответственности практически невозможно. Трудно представить ситуацию, чтобы работодатель при отказе в приеме на работу женщин сообщал им в письменной форме причины отказа со ссылкой на их беременность или материнство.

Таким образом, предлагаемые изменения будут способствовать повышению эффективности мер уголовно-правовой охраны трудовых прав лиц, нуждающихся в особой социально-правовой защите и испытывающих трудности в процессе трудоустройства.

Доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Э.А. Джалилов акцентировал внимание на формировании правовой политики в сфере ответственности за нарушение права интеллектуальной собственности. Правовая политика призвана управлять процессами правового развития государства во всех сферах, повышать степень упорядоченности и организации реализации юридических норм, ориентировать общество и соответствующие органы государства на решение актуальных проблем — на защиту прав и законных интересов субъектов, прогрессивно-юридическое развитие той или иной страны и совершенствование её правового регулирования⁵.

В формировании и реализации правовой политики в большей или меньшей степени принимают участие все субъекты политико-правовой жизни: от высших представительных органов государства, определяющих стратегию правовой политики, до органов управления, реализующих тактику, и до отдельного гражданина. Особая роль среди них отводится правотворческим и правоприменительным органам, которые, формируя и реализуя основные направления правовой поли-

⁵ См. подробнее: Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 47.

тики, создают правовые предписания и методами убеждения и принуждения добиваются их претворения в жизнь.

В процессе формирования правовой политики определяются виды общественных отношений, подлежащих правовому урегулированию, планируется правотворческая деятельность, устанавливаются режимы регулирования различных отношений.

В “Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу”, утвержденных Президентом РФ, было определено, что целью правовой политики государства в области развития науки и технологий являются переход к инновационному развитию страны, вовлечение в гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности и результатов деятельности в сфере интеллектуальной собственности.

К настоящему времени имеется уже достаточно развитая законодательная и нормативно-правовая база, позволяющая вовлекать результаты научно-технической деятельности в хозяйственный оборот. Определены основные направления правовой политики, являющиеся основой создания единого механизма по введению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности. Дальнейшая работа осуществляется в направлениях совершенствования законодательной базы: конкретизации законодательных положений в постановлениях Правительства РФ, разработке конкретных методических указаний по отдельным возникающим вопросам (например, внесение результатов интеллектуальной собственности в уставные фонды, реформируемые государственными научными центрами, процедуры передачи технологий из военного сектора в гражданский и т.п.).

Правовая политика государства в сфере интеллектуальной собственности в настоящее время во многом заимствована и гармонизирована с мировым законодательством в этой сфере и позволяет субъектам предпринимательской деятельности вводить результаты научно-технической деятельности в хозяйственный оборот.

Основная задача правовой политики государства в сфере интеллектуальной собственности – регулирование процессов правовой охраны и введения объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот и обеспечение защиты прав и законных интересов авторов, организаций, инвесторов и государства в целом.

Одним из важнейших направлений правовой политики государства является также разработка юридического механизма, позволяющего максимально использовать интеллектуальную собственность в интересах развития промышленного производства России. О необходимости такого направления правовой политики в этой области свидетельствует осуществление Организацией экономического сотрудничества и развития промышленно развитых стран (ОЭСР) и Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций двух проектов о государственной политике в области использования интеллектуальной собственности. Появился новый сектор экономики для нашей страны, где в качестве товара выступают не знания и технологии, а права на результаты интеллектуальной собственности, а значит, должны быть скорректированы направления правовой политики в данной сфере.

Одной из приоритетных задач правовой политики государства в сфере интеллектуальной собственности является формирование комплекса мер, направленных на всестороннюю поддержку и развитие творческой, а также изобре-

тательской активности в России и её субъектах, что будет способствовать приближению нашей страны к мировому научно-техническому уровню и обеспечению конкурентоспособности на мировом рынке объектов интеллектуальной собственности.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук О.В. Тюшнякова акцентировала внимание на проблемах формирования правовой политики в сфере регламентации принудительных работ.

7 декабря 2011 г. с принятием Федерального закона № 420-ФЗ система наказаний пополнилась еще одним видом – принудительными работами (п. 3¹ ст. 44, ст. 53¹ УК РФ). Принудительные работы занимают в системе наказаний место между ограничением свободы, которое отбывается в настоящее время по месту жительства осужденного, и арестом. Законодатель определяет принудительные работы как альтернативу лишению свободы. В ч. 1 ст. 53¹ УК прямо сказано: “Принудительные работы *применяются как альтернатива лишению свободы* в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса...”. Вот только в чем же здесь альтернатива?

Анализ статьи 53¹ УК РФ и гл. 8.1 УИК РФ позволяет сделать вывод о том, что данное наказание по многим признакам и карательным элементам практически приравняется к лишению свободы, хотя, только исходя из положений статьи 53¹ УК РФ, такой вывод и не следует, поскольку законодатель не указывает прямо на исправительные центры – учреждения, в которых принудительные работы должны отбываться. Представляется, что связь принудительных работ с лишением свободы в некоторой степени завуалирована в УК РФ. Связь, хотя и с частичной, но тем не менее с изоляцией осужденного от привычных условий его жизни имеет место, поскольку осужденные не приезжают в исправительный центр для работы, а содержатся в нем. Обеспечение осужденных к принудительным работам одеждой и обувью, питанием осуществляется за счет их собственных средств (ч. 2 ст. 60.5 УИК РФ в ред. ФЗ от 7 декабря 2011 г.). Аналогичное положение предусмотрено для лиц, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях.

К тому же в Законе предусмотрен еще один вариант отбывания (исполнения) принудительных работ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 60.1. УИК РФ “изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, могут создаваться при исправительных учреждениях”. Не правда ли – очень удачное решение? Вот только как быть с тем, что к исправительным учреждениям, как известно, относятся учреждения УИС, предусмотренные для отбывания двух из самых строгих действующих видов наказания – лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы. Каким образом данное положение согласуется с принципами законности, справедливости и гуманизма, если речь идет, по сути, о возможности отбывания принудительных работ “на зоне”? Помимо этого согласно ч. 6 ст. 53¹ УК РФ в случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ, оно может заменяться лишением свободы из расчета 1 : 1, а такие виды наказаний, как обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы в случае злостного уклонения от их отбывания, могут заменяться принудительными работами в том же соотношении, что и при замене их лишением свободы, т.е. сам законодатель приравнивает принудительные работы к лишению свободы по их строгости.

Следовательно, принудительные работы можно назвать альтернативой лишению свободы с большой натяжкой. Законодатель еще раз продемонстрировал непродуманный и скороспелый подход при решении важной проблемы.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, канд. юрид. наук Ю.В. Недилько остановилась на проблемах толкования юридической ответственности и реализации ее принципов. В любом государстве на всех периодах существования вопрос о толковании юридической ответственности является актуальным. Данная интерпретация осуществляется с учетом принципов и целей юридической ответственности. Следует подчеркнуть, что особое внимание уделяется уголовной и административной ответственности как видам, способным оказать наиболее существенное влияние на дальнейшую судьбу правонарушителя, в том числе и с учетом применяемых в рамках данных видов ответственности мер воздействия. Здесь государство стремится максимально регламентировать ответственность и ограничить пределы ее интерпретации в процессе применения права.

Тем не менее, толкование юридической ответственности всегда присутствует в форме как уяснения, так и разъяснения, поскольку сама природа правоприменительной деятельности и форма правоприменительного акта обуславливают необходимость мотивации принятого решения, излагаемого в правоприменительных актах. Другой вопрос, что свобода интерпретации юридической ответственности ограничена определенными рамками закона, старающегося осуществить максимальную регламентацию.

Законодательное регулирование юридической ответственности осуществляется с учетом ряда принципов, в числе важнейших из которых следует назвать принципы законности, справедливости, гуманизма, индивидуализации юридической ответственности и др. Этими же принципами должен руководствоваться правоприменитель, интерпретируя конкретную норму при наложении юридической ответственности.

К сожалению, даже с учетом принципов и целей юридической ответственности не всегда толкование юридической ответственности, даваемое различными субъектами, бывает единообразным. Наиболее сложными для толкования и применения в рамках юридической ответственности предстают принципы справедливости, индивидуализации юридической ответственности, соразмерности ответственности тяжести совершенного правонарушения. Иногда этому невольно способствует сам законодатель, допустивший пробел в праве или коллизию правовых норм.

В некоторых случаях государство обращает внимание на указанные проблемы в толковании и реализации юридической ответственности в соответствии с ее принципами. Но сам факт возникновения проблемы позволяет говорить о том, что при выработке концепции правовой политики РФ в сфере юридической ответственности необходим учет ряда факторов.

Прежде всего необходимо создание условий для непосредственной реализации разработанных наукой принципов юридической ответственности: законности, справедливости, гуманизма, виновности, индивидуализации, недопустимости двойной ответственности, соразмерности наказания тяжести правонарушения и др. При интерпретации правоприменителями норм, устанавливающих юридическую ответственность, следует выбирать такой вариант толкования, который не нарушал бы указанных принципов.

При разработке новых правовых норм, устанавливающих или изменяющих юридическую ответственность, законодателю следует в большей степени сосредоточиваться не на ужесточении санкций, что в последнее время стало стабильной тенденцией, а на дифференциации ответственности, приведении устанавливающих ее норм в соответствие с названными принципами.

Заместитель директора Института права Самарского государственного экономического университета, канд. юрид. наук, доцент В.А. Пономаренков акцентировал внимание на направлениях обеспечения эффективности юридической ответственности, которая играет важную роль в современном обществе при обеспечении правопорядка и дисциплины. При этом она является средством, направленным на повышение эффективности действия правовых норм.

Однако следует отметить, что одними только правовыми средствами юридической ответственности обеспечить уравновешивание интересов личности, общества и государства, а также надлежащее функционирование, исполнение и применение нормы права не всегда возможно. Соответственно, достичь необходимого уровня упорядочения бытия без соответствующих средств нормативного регулирования весьма сложно, а такое положение дел приводит к разбалансированности всей правовой системы, притом что выполнение требования социально-правовой эффективности выступает насущной задачей во всех сферах общественной жизни.

Исследования показывают, что в результате многовекового общественного развития накоплен опыт и выработаны эффективные социальные механизмы (направленные на формирование нравственных устоев общества, семьи, воспитание молодого поколения и ведение традиционной хозяйственной деятельности) обеспечения ответственности за совершение негативных поступков. В условиях обновления социальных, экономических, а во многих случаях морально-этических отношений в обществе необычайно возросло этническое, религиозное самосознание народов, отмечается новая волна повышенного интереса к истории и культуре своего народа, к национально-культурным традициям, ко всему, что несет на себе признак местного, самобытного, этнически дифференцированного и т.д.

Поскольку конфликты, правонарушения, преступления выступают, пусть и негативной, но составной частью жизни современного общества, необходимо учитывать социально-факторные особенности современного общества и возможность одобрения и признания вводимых социально-регулятивных механизмов.

Конечно, традиционные системы ответственности и наказания не являются конкурентами публичной системе ответственности и наказаний, и все же они имеют право на существование. Имплементирование социально-факторных механизмов юридической ответственности — оптимальное средство эффективной реализации института разрешения правовых конфликтов в правовой жизни современного общества. При этом оптимальное соотношение государственного регулирования и общественного саморегулирования при разрешении социально-правовых конфликтов и применение мер ответственности должны основываться на необходимости учета внутренних потребностей общества, заключающихся в отказе от жесткого государственного вмешательства в регулирование определенных сфер социально-правовой жизни общества.

Современное общество как социальная система является самоорганизующимся организмом, имеющим эффективные

внутренние ресурсы и механизмы нормативного установления и контроля поведения человека, реализуемые самостоятельно и независимо от государства, что и обуславливает его социально-правовую устойчивость и стабильность на определенном этапе его развития. При этом должно быть сведено к минимуму внешнее воздействие со стороны государства, чья роль заключается в установлении общих организационных начал саморегулирования, объективная необходимость в которых должна быть востребована самой социальной системой и реализуема в различных сферах социально-правовой жизни.

Доцент Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Минюста России, канд. истор. наук В.А. Затонский отметил, что обсуждаемая концепция должна быть направлена прежде всего на повышение эффективности отечественной государственности. Данное обстоятельство делает необходимым особое внимание сосредоточить на положениях, связанных с ответственностью публичной власти. Это – одно из самых действенных ограничительных, сдерживающих юридических средств, активное применение которого может стать конкретным способом выстраивания в России эффективно функционирующей государственности.

Социальная ценность юридической ответственности публичной власти состоит прежде всего в том, что она (ответственность) непосредственно поддерживает, обеспечивает эффективную реализацию функций государства, исполнение им обязанностей по отношению к обществу, народу, человеку и гражданину.

Обязанности и запреты, с одной стороны, и меры защиты, ответственности – с другой, в совокупности образуют правовой охранительно-защитный инструментальный механизм, который жизненно необходим любому обществу. К охранительным инструментам принадлежат прежде всего такие правовые ограничения, как запреты и обязанности, представляющие в своей совокупности специфическую систему правового страхования общества от неэффективных действий публичной власти. Именно функционирование обязанностей и запретов составляет главное в правоохранительном механизме, при несрабатывании которого вступают в действие другие ограничивающие инструменты – меры защиты и ответственности, относящиеся к правозащитному механизму.

Однако роль ответственности публичной власти как фактора повышения эффективности государственности сказанным не ограничивается. Кроме регулятивной, а также такой основной и сугубо специфической функции, как охрана и за-

щита общественных отношений от неправомерных действий властных структур, юридическая ответственность выполняет в отношении публичной власти и иные функции – функцию социального контроля, мотивационную, воспитательную (превентивную), коммуникативную.

Таким образом, юридическую ответственность публичной власти мы можем с полным основанием отнести к важнейшим способам повышения эффективности современной российской государственности. Ответственная власть является неперенным атрибутом правового государства. Последнее же представляет собой управляющую систему, признающую свою зависимость от гражданского общества и направляющую работу своего механизма на удовлетворение потребностей, реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающую вместе с тем исполнение обязанностей всеми субъектами социальных отношений. Без четкого функционирования системы взаимной ответственности невозможно обеспечить стержневой механизм эффективной государственности – процесс оптимального взаимодействия государства, права и личности. Без этого не могут быть построены ни гражданское общество, ни правовое государство, ни демократическая государственность, как таковая. Юридическая ответственность скрепляет, цементирует демократию, делает её более прочной, устойчивой, жизнеспособной и эффективной. Без ответственности невозможно сколько-нибудь упорядоченная жизнь.

В прениях с краткими докладами выступили: профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юрид. наук А.В. Дашин; доцент кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета, канд. юрид. наук Р.В. Пузиков; заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук Т.М. Клименко; доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Е.А. Козлова.

Обзор подготовили:

А.В. Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ;
Д.А. Липинский, заместитель ректора-директор Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук, проф.;
А.А. Мусаткина, зав. кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент.